

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ КОНККА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этнологии Института языка, литературы и истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-6837-5656; konkka49@mail.ru

ЗАМЕТКИ О КАРЕЛЬСКОМ НАРОДНОМ ПРАВОСЛАВИИ: ПОКЛОННЫЕ КРЕСТЫ БЕЛОМОРСКОЙ КАРЕЛИИ

А н н о т а ц и я . Рассматривается одно из проявлений карельского народного православия – поклонные кресты, их топография и функции на территории проживания карел в Беломорской Карелии. Выбор региона обусловлен наличием собственных материалов автора и сведениями по данной тематике в изданных сборниках текстов по Северной Карелии. Специальных исследований по карельским поклонным крестам не проводилось, задачей же этой работы является обзор полевых, архивных и литературных сведений и предварительный анализ имеющихся материалов. Вопрос топографии (расположения на местности) особенно рельефно выступает в случае возведения крестов на определенных расстояниях друг от друга на выделяющихся на местности точках пути по воде. Кресты могли быть обетными (поставленными по обещанию в затруднительной жизненной ситуации), возведенными в благодарность за избавление от эпидемии или эпизоотии, которые, раз поставленные, продолжали охранять поселение от опасности извне. Кресты стояли на местах гибели людей или ставились в память о каком-нибудь из ряда вон выходящем событии (информативная функция), но также играли коммуникативную роль места собрания рода или общины в определенный календарный праздник, причем традиция могла восходить к языческим временам. Кресты на севере могли стоять на почитаемых местах, связанных с промыслом, «совмещать» или «замещать» дохристианские деревья-карсикко. Однако кресты могли вырезать также и на самих карсикко. В любом случае, изначально поклонный крест маркировал точку на местности, где происходила коммуникация с супранормальными силами вне зависимости от того, была она мирная или опасная для человека.

К л ю ч е в ы е с л о в а : народное православие, поклонные кресты, их топография и функции, пожертвования, деревья-карсикко

Б л а г о д а р н о с т и . Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания Карельского научного центра РАН (№ 124022000029-0, 2024–2026 гг.).

Д л я ц и т и р о в а н и я : Конкка А. П. Заметки о карельском народном православии: поклонные кресты Беломорской Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 6. С. 73–82. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1353

ВВЕДЕНИЕ

Крещение карел считается состоявшимся в 1227 году, когда отец Александра Невского, князь Ярослав Всеволодович, «послав крести множество корел». Однако потребовались усилия многих поколений ревнителей веры, прежде чем народные массы восприняли православие и включили его в систему своих дохристианских представлений [6]. Что говорить о первых веках христианства на Севере, если еще в XVI веке новгородский архиепископ Макарий в своей широко цитируемой грамоте в Водскую пятину и Корельские уезды об искоренении

языческих обрядов (1534) писал о том, что жители вышеобозначенных мест молятся «скверным своим молбищом древесом и камению», а в Послании того же года будущему царю Ивану IV Грозному (тогда еще малолетнему) раскрыл свой тезис так:

«Суть же скверные молбища их лес, и камене, и реки, и блата, источники, и горы, и холми, солнце, и месяц, и звезды, и езера, и проста рещи всей твари поклоняхуся яко богу, и чтяху и жертву приношаху кровную бесом, волы и овцы, и всяк скот и птицы»¹.

Таким образом, перед нами образец веры в одушевленность природы (анимизм), пери-

од развития мировоззрения, который проходили едва ли не все известные народы и который порождал явление, называемое многобожием, или политеизмом.

Некоторые формы дохристианских культов, о которых идет речь в Послании (родовые жертвенные деревья, жертвоприношения животных), в своей основе дожили в отдельных районах Карелии и сопредельных местностях до конца XIX, а порой и до первых десятилетий XX века. То же можно сказать и о вере в духов-хозяев природных стихий и определенных локусов. Что же касается почитаемых источников и других «святых» мест, то паломничество к ним не иссякает и сегодня. Впрочем, большая часть этих сведений – общеизвестные факты, по крайней мере, для историков. Несколько иначе обстоит дело, уже в силу специфичности и сложности самого явления, со всем комплексом народного православия, «бытовым православием» или «двоеверием», как его называли в среде гуманитариев еще в 1980-е годы. Яркими представителями такого религиозного синкретизма являлись поклонные кресты и деревенские часовни – истинно народные произведения материального наследия, к которым официальная церковь зачастую имела лишь опосредованное отношение.

Цель данной статьи – представить карельский материал о поклонных крестах с точки зрения этнографии², то есть выявить топографию и выделить основные функции поклонных крестов, из которых главенствующей была функция медиатора, связующего звена между мирами – человеческим и потусторонним, проявлявшегося как в вербальном (молитва), так и в акциональном (пожертвование) плане. Обращение к потусторонним силам (богам, святым, умершим родственникам, предкам), как правило, было связано с просьбой о помощи, что сопровождалось обещанием жертвы. Обет, в свою очередь, неукоснительно исполнялся.

Из общих положений следует отметить преобладание в народном сознании крестов и деревьев-знаков, а также эволюцию от крестов к часовням, ведь многие из последних своим существованием обязаны крестам (то есть построены на месте их или рядом с ними), кроме того, крест часто был предшественником часовни и в конструктивном плане: многие часовни возникли в процессе огораживания поклонного креста и постройки вокруг него стен и возведения навеса [5: 73–76].

Автору неизвестны специальные работы по карельским поклонным крестам, где материалы – устные рассказы об истории их возникновения, их расположении на местности, функциях и т. д. были бы собраны воедино и проанализи-

рованы. Имеются лишь разрозненные сведения, да два-три тематических раздела в региональных сборниках текстов. В связи с этим автор решил свести вместе подобные рассказы и классифицировать их, чтобы сократить имеющийся пробел, а заодно познакомить читателя с малоизвестными финскими источниками. Из разделов в сборниках текстов прежде всего стоит назвать книгу академика Пертти Виртаранта «Беломорские карелы вспоминают» [13], которая вкупе с вышедшей на 20 лет позднее «По деревням Беломорской Карелии» [14] представляет собой целую энциклопедию жизни населения в основном Северо-Западной Карелии. В ней имеется небольшой раздел «О карсикко и (поклонных) крестах», составленный из рассказов десятка информантов, родившихся во второй половине XIX века. Несколько рассказов о том, где и почему стояли кресты в деревнях тунгудских карел (на востоке Беломорской Карелии), встречаем в сборнике А. С. Степановой «Устная поэзия тунгудских карел» [10], а также шесть текстов по нашей теме обнаруживаются в сборнике М. В. Кундозеровой «Прозаический фольклор карелов Кестеньгского края» [8]. Данные сведения дополняются экспедиционными материалами автора начиная с 1970-х годов прошлого века.

Рис. 1. Старый поклонный крест на пороге Ниска в районе Пяозера. Фото И. К. Инха, 1894 год. Из книги Инха И. К. В краю калевальских песен. Петрозаводск: Периодика: Юминеко, 2019. С. 202

Figure 1. Old worship cross on the Niska threshold in the Pяozero area. Photo by I. K. Inha, 1894. Source: Inha, I. K. From the song-lands of the Kalevala. Petrozavodsk, 2019. P. 202

ПОКЛОННЫЕ КРЕСТЫ: ТОПОГРАФИЯ, ФУНКЦИИ И ПОЖЕРТВОВАНИЯ

«Крест – основной религиозный символ христианства, обладавший в представлениях верующих магической спасительной силой, – пишет академик В. П. Орфинский, – одновременно это универсальный сакральный знак, допускающий как антропоморфную (уподобление богу-человеку), так и фитоморфную его трактовку (уподобление его мировому дереву – объекту языческого поклонения). Двойственность семантики креста способствовала его популярности в переходный период от язычества к христианству...» [5: 73].

Таким образом, крест уже по своей сути подразумевает двойственность или амбивалентность смыслов, которые он несет: врезанный в дерево медный складень или вырезанный в дереве крест – неслучайные комбинации. Важно это и для выявления их предшественников, то есть генезиса крестов как явления. Дело в том, что во многих случаях на Севере доподлинно известно, что именно находилось (или находится до сих пор) на месте до установки креста. Это дерево-знак, особым образом отмеченное дерево-карсикко (от кар. *karsia*, ср. севернорус. *карзать* – ‘обрубать ветки’) – древняя форма обозначения особенной, сакральной точки на местности или события, там происходившего [1]. На таком дереве вырубались топором или вырезались ножом определенные знаки, обрубалась вершина или ветки. Имеются примеры, по которым теоретически можно проследить цепочку карсикко – крест – часовня (или начальная ее форма), то есть генезис форм маркировки определенного почитаемого или, наоборот, опасного места (например, места смерти или захоронения). Таковыми могли быть, с одной стороны, священные рощи, а с другой – кладбища, то есть территории, в пределах которых происходил контакт с потусторонними силами. Следует также заметить, что изначальной функцией всех трех рассматриваемых форм, независимо от их религиозной направленности, была охранительная, то есть поклонные кресты в этом смысле продолжали играть защитную роль карсикко. Так происходило во всей Фенноскандии и на севере Европейской части России, где карсикко стоят и поныне [2].

«Кресты – это уникальные источники по многообразию возможных в их изучении моментов», – отмечает А. Б. Пермиловская [7: 17]. В Карелии еще в начале XX века на многих местах – вдоль водных путей, у труднопроходимых речных порогов; на промысловых местах; в память о гибели людей и о повальных эпидемиях и эпизоотиях; на определенных этапах сухопутного пути, на перекрестках и развилках дорог; на околицах и посредине деревень; где «чудилось», пугало (в ме-

стах, связанных с появлением нечистой силы, неуспокоенных душ) или в память о значимых исторических событиях [3: 250–251] и т. д. – устанавливались православные, как правило, восьмиконечные или шестиконечные кресты под крышей или без.

Знание топографии крестов, то есть мест, где их ставили, важно не только для выяснения их семантики и функций, но и для выстраивания системы, своего рода сакральной карты, по Т. Б. Щепанской – «кризисной сети» почитаемых мест, куда относили обеты или ставили обетный крест [11]. Как давно уже было замечено, «функции поклонного креста тесно связаны с понятием пути», который традиционно в представлениях разных народов ассоциировался не столько с расстоянием, сколько с неопределенностью при преодолении пространства и опасностью, которая может ожидать путешествующих³. Здесь, вероятно, проявлялась охранительная функция «освящения пути», то есть оберега путников от разного рода стихийных природных сил, недаром у крестов при погоде, препятствующей

Рис. 2. Мыс Крестовый на Верхнем Куйто. На кресте висят белые пелены с вышитыми крестами, в основании креста – куча камней, справа – последняя из трех сосен-карсикко.

Фото И. К. Инха, 1894 год. Из книги Инха И. К.

В краю калевальских песен.

Петрозаводск: Периодика: Юминкеко, 2019. С. 354

Figure 2. Cape Krestovy on the Upper Kuyto, hung with white veils adorned with embroidered crosses, with a pile of stones at the base of the cross and the last of three karsikko pine trees on the right. Photo by I. K. Inha, 1894. Source: Inha, I. K. From the song-lands of the Kalevala. Petrozavodsk, 2019. P. 354

продолжению пути, молились тому святому, которому посвящен крест, и приносили ему жертвоприношения. На севере, где особенно много двигались по воде, путников должны были охранять и способствовать удачному переходу кресты, которые, например, на Верхнем Куйтто (часть системы озер Куйтто, общей длиной около 130 км) по пути из Вокнаволока в Ухту (55 км), были расположены на длинных, далеко выдающихся в озеро мысах на расстоянии примерно 10 км друг от друга.

Самый знаменитый крест на Верхнем Куйтто находится в 10 км от Вокнаволока и стоит на мысу Крестовом (Ristiniemi), являясь ярким примером перехода от древних культов к христианской традиции. По преданию, здесь сначала находилась почитаемая сосна с костяным наконечником копья на вершине, который в 1920-х годах снял знаменитый в округе знахарь Смёткун Риико. Согласно легендам, записанным в соседней деревне Пирттигуба, первый крест здесь появился очень давно – на могиле предводителя отряда копьеносцев, причем основание креста имело форму копья [14: 116]. Позже на этом месте был установлен деревянный крест под крышей, недалеко от которого всегда останавливались и устраивали чаепитие. На приводимой здесь фотографии И. К. Инха 1894 года запечатлен момент «крещения глаз» у креста, под кровлей которого видны висят на поперечинах креста «пелены» (в том числе с вышитыми на них крестами), а у основания его – куча принесенных с берега камней. Справа от креста – одна из трех бывших здесь ранее сосен-карсикко. Жительница Пирттигубы Мария Каллио рассказывала, что к кресту, как в часовню, приходили молиться на праздники, при этом кресту необходимо было что-то принести. Дети, отправляясь к кресту, собирали на берегу «красивые белые камни» [14: 116]. Финский собиратель Самули Паулахарью записал в д. Войница в 1915 году:

«Когда по пути на озере начинался сильный ветер и приходилось сидеть на мысу Крестовом в ожидании тихой погоды, то клали на поперечину креста мелкие монеты по 10, 15 копеек, даже по 20 копеек, а кто и серебряную монету положит, или ставили свечку, говорили: “Боже, утихомирь ветер, чтобы мы через озеро переправились, а мы тебе подарим монету!”»⁴.

Следующий крест стоял на мысу Петяяниemi («Сосновый мыс»):

«На конце мыса Петяяниemi, – рассказывала Насто Каллио из Пирттилакши, – стоял большой крест, к подножию которого каждый путник относил камень, чтобы Бог помог преодолеть водное пространство... На Петяяниemi были срублены бревна для строительства Вокнаволоцкой церкви⁵. Когда бревна собрали в плот,

то рубщики дали обещание сделать св. Илье крест, если Илья даст попутный ветер до Вокнаволока. Так появился крест на Петяяниemi»⁶.

Такой же обет был дан сплавщиками в начале XX века на самом большом в Беломорской Карелии озере Топозере, когда сильный ветер разбил о скалу сплавляемый по озеру плот из бревен. Волны не давали его вновь собрать, тогда обратились к Спасу, пообещав ему поставить крест, если он утихомирит погоду. Так и произошло, судя по тому, что на мысу Куёвуара появился большой деревянный крест [8: 356].

Далее в сторону Среднего Куйтто, на выдающемся в озеро мысу Матканиemi («Путевой мыс»), путников встречал крест св. Николая. Рыбаки, отправляясь на промысел, заключали с ним договор, давали обет: «Если, святой Никола, нам поможешь и дашь рыбы, то мы на обратном пути тебе принесем камней»⁷. Этот ритуал «каменной жертвы» был распространен повсеместно – каждый проходящий добавлял свой камень к подножию, укрепляя тем самым магическую связь с почитаемым местом. Известный финский этнограф и религиовед Уно Холмберг (Харва) так описывает приношения крестам и деревьям в Беломорской Карелии:

«Некоторые привешивают на находящиеся здесь кресты и деревья ленты, лоскутки материи, так называемые “ветровые платки” (tuulipaikat)⁸, другие просовывают в мелкие трещины монеты. “Иди и поклонись “Спасу” того или иного мыса, может, он даст тебе попутный ветер”. Рыболов, опять же, надеясь на хороший улов, когда приносит к корням дерева камень в жертву, говорит: “Святой Петр, вот тебе камень в подарок”. Хотя ныне и говорят о святых, в самих обычаях тем не менее скрываются древние языческие черты» [12: 52].

Под «языческими чертами» Холмберг имел в виду в том числе карсикко. «В Вокнаволоке каждый знал карсикко на мысу Рауванкорко (букв. “Железная луда”), у которого выходящие на лодках на Большое Куйтто путники просили тихой погоды», – писал уроженец тех мест Пекка Пертту. Это была возвышающаяся на береговой гряде одинокая сосна. Под деревом находилась большая груда камней, принесенных сюда путниками. Нижние ветки сосны были обрублены, помимо одной со стороны воды, которая была оставлена нетронутой. Некоторые комли отрубленных веток имели длину более метра⁹. Также, например, в Костомукше, по рассказам информантов Пертти Виртаранта, «обычно, когда проходили (на лодках. – А. К.) мимо карсикко на берегу, то относили под него камень или летом бросали сорванный рядом цветок». Собственно, то же происходило и с крестами.

Хоури Павлов(а), которая родилась в Ухте (Калевале) в 1879 году, рассказывала:

«У креста останавливались всегда. Если проезжали мимо, то выходили на берег и шли к кресту: относили камень, могли ветровой платок привязать или цветок положить, например, иван-чай, крестили глаза и произносили молитву. Если так не делали, то могли быть худые последствия: начинался шторм или по пути случались другие затруднения» [13: 735].

На больших северных озерах в пределах Карелии можно было встретить (возможно, как наследие предыдущих насельников – саамов) места, которые имели отношение к промыслу, так как они назывались «рыбными богами» – это мог быть большой камень или выдающийся в озеро длинный мыс, который рыбаки не могли игнорировать: следовало попросить у него удачи в рыбной ловле и дать обет принести жертву, а если удача не отворачивалась от них, то выполнить обещание – отправиться к кресту и возложить к его подножию приношение. Таков был крест Кормушниеми на Среднем Куйтто: крест и ближайший берег называли Kalajumala («Рыбный бог»). Путники и рыбаки привязывали к кресту белые «ветровые платки». На поперечину креста было принято ставить свечи и зажигать их [14: 87]. Путешествовавший в 1917 году по Беломорской Карелии журналист и собиратель древностей Юха Луккаринен об этом кресте оставил следующую запись:

«“Рыбный бог” на мысу Кормушниеми – это очень большой и старый деревянный крест на самом берегу, на конце мыса. У подножия креста – огромная куча круглых камней, объемом в несколько кубических метров. Она, по рассказам, образовалась от того, что рыбаки обещают в случае хорошего улова привезти с того места камень в жертву. Часто рыбная тоня оказывается за много километров отсюда, но это не должно мешать принесению жертвы хозяину мыса Кормушниеми. И рыбное богатство Куйтто обеспечило то, что жертв здесь собраны тысячи. Кроме этих незатейливых подношений, рыбаки в жертву приносят и другое – пироги, одежду, недавно кто-то принес божеству курительную трубку в качестве подарка (водяной вообще любитель табака. – А. К.) за благополучно прошедшую поездку в город»¹⁰.

Такие ритуальные практики показывают, что в народном сознании кресты воспринимались как своеобразные «часовни под открытым небом», места, где можно было обратиться за помощью к потусторонним силам.

«Каменная жертва» интересна тем, что круглые камни к крестам и деревьям-карсикко приносят с берега, с кромки воды. Такие же камни с берега иногда использовали для обкладки могил, в частности, так было сделано по завещанию Архиппы Перттунена, крупнейшего карельско-

го рунопевца, похороненного на о. Калмосуари, на кладбище дер. Ладвозеро. Прямых сведений об адресате жертвоприношения камней, помимо собственно крестов или карсикко, практически нет, однако известно, что когда летом сплавляют лошадей пастись на острова, то по дороге туда и обратно водяной может утянуть лошадь на глубину и утопить. Когда замечают, что лошадь начинает тяжелеть, уходить под воду больше обычного, то бросают в круп лошади и в воду вокруг специально припасенные для этого случая мелкие камни. Это делается для того, чтобы водяной не утопил лошадь [13: 736]. Таким образом, возможно, что этот обычай – своеобразная жертва водяному.

Но кое-где на просторах северных озер подобные вышеописанному кресту на Кормушниеми существуют до сих пор. На оконечности одного из протяженных мысов Топозера в 2020 году автор наблюдал два больших креста, сделанных из толстого бруса. Один из них был около 2,5 метра высотой и стоял недалеко от кромки берега. Второй, поменьше, находился в дощатом сарайчике с двускатной крышей, специально сколоченном для этой цели. На центральной поперечине креста было вырезано объемное распятие. Под ним впритык к кресту и на всю ширину его была установлена доска в виде полки, на которой лежали приношения: монеты, печенье, баранки, конфеты, а также несколько патронов и большое количество разной формы и времени изготовления блесен, воблеров и приманок. Крест с распятием, по рассказам рыбаков, был из бывшей деревенской церкви и установлен уже в советское время.

По берегам стояли и такие кресты, которые извещали о произошедшем здесь несчастье. Недалеко от д. Ювялакша (на перешейке между Верхним и Средним Куйтто), на мысу Иваччу (Ivačšuniemi) еще в 1940-е годы стоял крест под кровлей. Крест был поставлен напротив того места, где утонули двое братьев из богатого дома в Энонсуу. Во время осенней распутицы они отправились на вечеринку в Ювялакшу на коньках, лед не выдержал, и парни утонули [14: 160].

Как уже говорилось, кресты ставились также в память об избавлении от эпидемий и скотье-го мора. Однако интересно то, что, например, в Кестеньгской волости, на относительно небольшом озере Тухкальском, такие кресты, в отличие от обычного их места – на выезде из деревни, стояли на таких же мысах, что и путевые кресты на Куйтто, как бы охраняя местность от злых духов болезней. Так, на мысу Крестовом Тух-

кальского озера еще до революции поставили крест, чтобы противостоять оспе, свирепствовавшей в соседней волости. Во время эпидемии краснухи (дизентерии) на одном из мысов установили крест после того, как одна женщина увидела сон: на мысу дом, в нем два деда – охраняют уже 30 лет от болезней, просят повязать ветровые платки на крест, «чтобы вытирать слезы». На крест на острове Ристишуари (Крестовый остров) вешали ветровые платки, укрепляли на нем иконки (скорее всего, медные складни), кадили ладаном для того, чтобы «большие болезни проходили мимо» [8: 346].

На сухопутных маршрутах кресты также отмечали ключевые точки пути. На Суолавуаре («Соляной горе») – высшей точке почтовой дороги из Вокнаволока в Костомукшу путники отдыхали у креста, принося ему цветы иван-чая или камни. Неподалеку находились знаменитые Крестовые сосны (Ristihongat) – два столба с крестами, раскрашенные в черно-белую полоску, где можно было отдохнуть на большом камне и взять воду из родника для чая [14: 263]. На развилке дорог у деревни Мунанкилахти, между Кондокой и Бабьей Губой, стоял поклонный крест, где каждый путник обязан был совершить определенные действия: перекреститься, привязать лоскут или оставить другое приношение. Местные жители верили, что пренебрежение к поклонному кресту может вызвать болезни, особенно зубную боль.

Во многих поселениях, где не было храмов, центральным сакральным объектом становился деревенский крест. Например, в Кокорине (Поньгомская вол.), Рувозере (Олангская вол.) и Софьянге (Кестеньгская вол.) стояли двухметровые кресты, некоторые – под защитными крышами. В Алозере (Ухтинская вол.) в начале XX века на месте сгоревшей часовни установили двухметровый крест с деревянной крышей. Это место стало центром коллективных молений – прохожие обязательно крестились, привязывали «ветровые платки», а на Пасху все селение собиралось здесь для трапезы «сыром» (siiroa – высушенный в печи творог). Вскоре вокруг креста появилась бревенчатая часовня-крест [13: 742].

Похожий крест, установленный еще в середине XVIII века, стоял посередине деревни Виикатеярви (Тунгудская вол.). Пожилые люди тщательно ухаживали за ним, смолили основание креста, а в Страстную пятницу украшали белой пелёной, которая оставалась на нем шесть недель. Перед крестом был большой плоский камень, на котором обычно сидели старики, собираясь на свою беседу [13: 742]. Из района Вокнаволока (Беломорская Карелия) имеются свидетель-

Рис. 3. Поклонный крест в бывшей деревне Тикша. Фото Х. Рюткёля, А. П. Конкка, 1989 год. Из личного архива А. П. Конкка

Figure 3. Worship cross in the former village of Tiksha. Photo by H. Rytkölä and A. P. Konkka, 1989. Source: A. P. Konkka's personal archive

ства о посещении в летние праздники населением близлежащих деревень-хуторов почитаемого священного места, находившегося на перекрестке лесных дорог вблизи известной в округе горы Крестовая. В старой сосновой рощице с явными следами карсикко был установлен большой крест, обнесенный загородкой на столбах (у сооружения не было передней стены) с двускатной крышей. Сооружение напоминало небольшую часовенку. Внутри вокруг креста были навалены камни, а сам он завешан лоскутами материи. Полоски ткани висели и на деревьях рощицы. Окружающие хутора не имели своего кладбища, и поэтому, по рассказам местных жителей, они (еще в 1920–1930-е годы) приходили сюда поминать умерших родственников, принося с собой самовары и стряпню для импровизированного стола (ПМА, 1979). Таким образом, спецификой данного места, как и, скорее всего, мыса Крестового на Верхнем Куйтто, был культ предков.

Как отмечает А. С. Степанова, по краям тунгудских деревень обязательно стояли кресты – историю многих из них забыли уже давно, например, в Машезере существовало предание о кресте, принесенном медведем [10: 260, 263]. Особый культ сложился вокруг места гибели старообрядцев-«сожженцев» в Койвуниemi

(Тунгудский приход), где верующие, спасаясь от преследований, сожгли себя вместе с домом. Сначала на месте сгоревшего дома стоял поклонный крест, а позже построили часовню, куда приходили молиться при зубной боли – существовал даже обычай кусать перенесенный в часовню крест. Паломники приносили различные дары – от лоскутов до целых сарафанов [10: 252–253].

Однако кресты делались не только из дерева, но и в дереве. Как правило, «носителем» их была сосна, в стволе которой вырезали ножом или вырубали топором кресты разной формы и величины на развилках и перекрестьях дорог. Вокруг д. Карельская Масельга в Сегозерье на опушках леса и при входе на деревенское кладбище на другом берегу залива Сегозера стояло несколько старых сосен, в коре которых были вырезаны кресты в человеческий рост. Местные жители рассказывали о старике, который время от времени обновлял кресты-зарубки, объясняя это тем, что они «охраняли деревню» [1: 89]. Сходная ситуация была в севернокарельском селе Панозере и других местах. Такие же кресты вырезались на рыбных тонях, у лесных избышек, на кладбищах. На Карельском перешейке и в Приладожье были специальные «крестовые деревья» за околицей деревни, у которых во время похорон процессия с гробом останавливалась, на дереве вырезали очередной крест или прибавляли дощечку с крестом и годом смерти покойного, которые были одной из форм карсикко умершего [1: 121–135].

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Из всех многочисленных смыслов и эволюционных линий, которые на протяжении истории оказывались в зоне притяжения древнейшего символа креста¹¹, на карельском материале наиболее явно предстают генетические связи креста с деревом и растительностью. Причем не только в теоретическом, но и в чисто практическом, визуальном смысле: поклонный крест во многих случаях оказывается рядом с деревом-знаком карсикко, со временем заменяя его, заставляя дерево уходить на второй план, но зачастую лишь временно, ибо при разрушении креста и невозможности, по разным причинам, его восстановления дерево вновь берет на себя его миссию, как произошло, например, на «святом острове» Махосоори в Сегозерье, где в советское время были уничтожены стоящие здесь кресты и часовни. Тем не менее в течение нескольких десятилетий на остров привозили и оставляли под корнями большой сосны (вероятно, остатка бывшей священной рощи) платки, деньги и свечи [4: 222].

Поклонные кресты, как выясняется, выполняли одновременно несколько функций. Помимо общей охранительной роли, доставшейся крестам в том числе от дерева-карсикко, путевые кресты являлись ориентирами на местности, маркировали половину пути или более короткие отрезки, тем самым выполняя функцию освоения пространства наподобие верстовых столбов, а также, возможно, определяя границы / центры территории конкретных природных духов (а позднее – православных святых). В теории сверхзадачи установки креста на дохристианском священном месте было превратить объект «языческого» поклонения в христианский (ср. на мысу крест такого-то святого), как бы «перевернуть» мировоззрение, сменить минус на плюс. Однако данное действо, судя по всему, стало лишь изменением внешней формы (ср. крест у карсикко), а сам крест превратился в указатель священного места. Последнее касается прежде всего перенесения на кресты обозначения дохристианских святилищ, доставшихся карелам по наследству от прежних насельников¹². Косвенно о бывших почитаемых местах говорит «кодекс поведения», связанный с крестами: обязательные остановки у крестов, почтительное отношение, «крещение глаз», как и приносимые им жертвы. Невыполнение этих условий грозило болезнями, природными катаклизмами и негативными происшествиями. Характерен также эпизод с явлением во сне «двух дедов» – хозяев определенного мыса на озере с требованием жертвы, которые просят установить крест и повязать на него «ветровые платки». Контакт с представителями иного мира довольно часто происходил именно посредством сновидений.

Какие-то из крестов могли быть обетными, воздвигнутыми по обещанию в момент грозной опасности. Места гибели людей на воде или, например, в случае внезапной смерти в лесу были опасными локусами и обозначались крестами, несущими как информативную, так и защитную (отвращающую калму – смертную силу) функцию. То же можно сказать и о поклонных крестах на мысах озер, поставленных для продуцирующей защиты от эпидемий и эпизоотий, причем кресты указывали направление, откуда ожидался их возможный приход.

Интересно, что крест, поставленный на месте массовой гибели людей (самосожженцев), маркируя связанное со смертью из ряда вон выходящее событие, со временем, после водворения в построенную для него часовню, превратился в инструмент лечебной магии. Особенно это касалось зубной боли, с которой боролись, грызя

Рис. 4. Поклонный крест в Никольской часовне деревни Летняя Река на берегу Белого моря.
Фото А. П. Конкка, 2023 год. Из личного архива А. П. Конкка

Figure 4. Worship cross in St. Nicholas Chapel in the village of Letnyaya Reka on the shore of the White Sea. Photo by A. P. Konkka, 2023. Source: A. P. Konkka's personal archive

крест. Объяснение этой метаморфозы, вероятнее всего, лежит в плоскости поверий, связанных с лечебными заговорами, – тексты заговоров от зубной боли чаще всего апеллируют к покойнику, используя сравнение с мертвым телом, у которого «зубы не болят».

В материалах о карельских поклонных крестах имеются сведения о взаимозаменяемости крестов и часовен: многие часовни строились на месте поклонных крестов, а на местах уничтоженных часовен или церквей (ср. памятные поклонные кресты на местах бывших деревень) ставились православные кресты, которые, как в случае со сгоревшей часовней в Алозере, продолжали иметь коммуникативную функцию: население деревни собиралось у креста на Пасху,

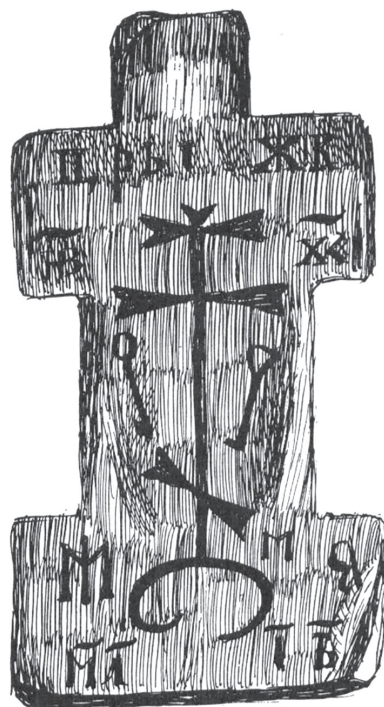

Рис. 5. Деревянный резной «голгофский» крест-иконка, который салминские карелы держали в доме и использовали в качестве амулета, оберегающего от болезней. Фото из книги Suomen kirjallisuus I. Krjoittamaton kirjallisuus. Toim. Matti Kuusi. SKS. Keuruu: Kustannusosakeyhtiö Otavan kirjapaino, 1963. S. 283

Figure 5. Carved wooden “Golgotha” icon cross that Salmi Karelians kept in their homes and used as an apotropaic object protecting them against diseases.

Source: Suomen kirjallisuus I. Krjoittamaton kirjallisuus. (Matti Kuusi, Toim.). Keuruu, 1963. S. 283

где вкушало ритуальную пищу – творожные кабуши [3: 270–271]. Роль часовни крест играл также и в тех деревнях, где она отсутствовала изначально.

Множественность свойств, ролей и функций креста, вероятнее всего, связана с его изначальной амбивалентностью и многозначностью, которые он приобрел еще в дохристианские времена, в качестве же христианского символа новые смыслы, связанные с крестом¹³, лишь сложились в зависимости от ситуации, в которой его хотели использовать.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Грамота новгородского архиепископа Макария в Вотскую пятину, в Чудь, в Ижору, в Корельский и др. уезды об искоренении языческих обрядов (1534 г. марта 25.) // Материалы по истории Карелии XII–XVI веков / Под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941. С. 127–131.

² Во второй статье «Заметок о народном православии» будет представлен материал о некоторых функциях часовен и жертвоприношениях им.

³ Трифонова М. Н. Поклонный крест из д. Чуйнаволоок. Электронная библиотека музея-заповедника «Киж» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://site.kizhi.karelia.ru/library/traditsionnaya-kultura-russkih-zaonezhya-dopolnitelnyie-materialyi/802.html> (дата обращения 25.05.2026).

⁴ Suomalaisen kirjallisuuden seura, Paulaharju S. 18900. Vuonninen. 1915.

- ⁵ Вокнаволоцкая Ильинская церковь была возведена в начале XIX века на месте ветхой, перестроенной в XVIII веке в церковь, часовни.
- ⁶ Научный архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. К5/257, записал В. Кауконен.
- ⁷ Suomalaisen kirjallisuuden seura, Paulaharju S. 18985–8989. Vuonninen.
- ⁸ «Ветровые платки» представляли собой примерно 30–40-сантиметровую полосу белой ткани, шириной около 10 см и меньше. Укреплялись на кресте за один конец, поэтому развевались на ветру. Такие же туулипайкат привешивали на надгробные кресты.
- ⁹ Perttu P. Vainämöisen venehen jälki. Petroskoi, 1978. S. 220.
- ¹⁰ Lukkarinen J. Vienan Karjalassa. Karisto; Helsinki, 1918. S. 68–69.
- ¹¹ Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 2. М.: Сов. энциклопедия, 1980. 719 с.
- ¹² Примером подобной ситуации является мыс Бесов Нос на восточном берегу Онежского озера. Вырубленный в скале на оконечности мыса крест перекрывает часть петроглифа «беса» – пляшущего антропоморфного существа, примерно того же плана, что встречается на традиционных вышивках карел и вепсов. Интересно также то, что выбившие православный крест как бы в левой руке «беса» вовсе не предприняли попытки избавиться от него самого, сбив фигуру с камня полностью, но оставили ее практически нетронутой.
- ¹³ Здесь показателен текст карельско-вепского охотничьего заговора от порчи (Олонецкий сборник, XVIII век), в основе которого была популярная в заговорах коллизия: возведение волшебной железной ограды (тына) «от земли до неба» (варианты: железная стена, гора) вокруг заговаривающего, которая в данном «новаторском» тексте заменяется крестом, используя его защитные свойства: «Впереди и сзади опусти железный крест от земли до неба и от неба до земли, спереди меня и позади меня от недобрых слов и недобрых мыслей для моей опоры, моей защиты, моего берега и в помощь мне» [9: 110].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конкка А. Карсикко: деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 286 с.
2. Конкка А. П. Феномен карсикко-залази на Русском Севере // Вестник антропологии. 2023. № 2. С. 22–34. DOI: 10.33876/2311-0546/2023-2/22-34
3. Логвиненко Е. С. Умные вещи карельской деревни: Этнографические очерки. Петрозаводск: Периодика, 2021. 289 с.
4. Народы Карелии: Историко-этнографические очерки. Петрозаводск: Периодика, 2019. 752 с.
5. Орфинский В. П. Часовни в традиционной культуре карел // Народное зодчество: Межвузовский сборник. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2004. С. 73–122.
6. Пашков А. М. Новгородская земля и христианизация карел в XIII–XV веках // VIII Валаамские образовательные чтения 28–30 мая 2021 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://valaam.ru/history/stati-i-vospominaniya/novgorodskaya-zemlya-i-khristianizatsiya-karel-v-xiii-xv-veках/?ysclid=mp8skq307o678446454#42> (дата обращения 16.05.2026).
7. Пермиловская А. Б. Культовая традиционная архитектура как фактор адаптивного механизма при освоении Русской Арктики // Вестник антропологии. 2023. № 2. С. 7–21. DOI: 10.33876/2311-0546/2023-2/7-21
8. Прозаический фольклор карелов Кестеньгского края / Сост.: М. В. Кундозерова. Петрозаводск; Ульяновск: АО «Областная типография «Печатный двор», 2023. 456 с.
9. Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / Сост., подгот. текстов, статьи и коммент. А. Л. Топоркова. М.: Индрик, 2010. 830 с.
10. Степанова А. С. Устная поэзия тунгудских карел. Петрозаводск: Периодика, 2000. 384 с.
11. Щепанская Т. Б. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995. С. 110–176.
12. Holmberg U. Suomalaisen karsikoista // Kalevalaseuran vuosikirja. 1924. № 4. P. 7–82.
13. Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Porvoo: Werner Söderström Osakeyhtiö, 1958. 804 p.
14. Virtaranta P. Vienan kyllä kieltämässä. Helsinki: Kirjayhtymä, 1978. 287 p.

Поступила в редакцию 12.08.2026; принята к публикации 04.09.2026; дата публикации 30.09.2026

Review article

Aleksi P. Konkka, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature, and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-6837-5656; konkka49@mail.ru

NOTES ON KARELIAN FOLK ORTHODOXY: WORSHIP CROSSES OF THE WHITE SEA KARELIA

Abstract. This article explores one of the manifestations of Karelian folk Orthodoxy – crosses of worship, their topography and functions in the territory inhabited by Karelians in the White Sea Karelia. The choice of the region is

determined by the availability of the author's own materials and information on this topic in the published collections of texts on North Karelia. No special research has been conducted on Karelian crosses of worship, but the purpose of this work is to bring together and review the scattered information and conduct a preliminary analysis of the available materials. The issue of topography (location on the ground) is particularly prominent in the case of the construction of crosses at certain distances from each other at prominent points along water paths. Crosses could be votive (placed according to a promise in a difficult life situation), erected in gratitude for getting rid of an epidemic or epizootic, which, once placed, continued to protect the settlement from outside danger. Crosses stood at places where people died or were placed in memory of some extraordinary event (thus performing an informative function), but also played a communicative role as a place of assembly of a clan or community on a certain calendar holiday, with this tradition possibly going back to pagan times. Crosses in the north could stand on revered places associated with crafts, as well as "replace" or be "combined with" pre-Christian karsikko trees. However, crosses could also be carved on karsikko trees themselves. In any case, initially a worship cross marked a point on the terrain where communication with supranormal forces took place, regardless of whether it was peaceful or hostile to humans.

Key words: folk Orthodoxy, worship crosses, worship crosses topography and functions, donations, karsikko trees

Acknowledgements. The research was funded from the federal budget as part of the state task No 124022000029-0 (2024–2026) assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Konkka, A. P. Notes on Karelian folk Orthodoxy: worship crosses of the White Sea Karelia. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(6):73–82. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1353

REFERENCES

1. Konkka, A. Karsikko: sign trees in the rituals and beliefs of the Baltic-Finnic peoples. Petrozavodsk, 2013. 286 p. (In Russ.)
2. Konkka, A. P. The phenomenon of karsikko-zalazi in the Russian North. *Herald of Anthropology*. 2023;2:22–34. DOI: 10.33876/2311-0546/2023-2/22-34 (In Russ.)
3. Logvinenko, E. S. Smart things of Karelian villages: Ethnographic essays. Petrozavodsk, 2021. 289 p. (In Russ.)
4. The peoples of Karelia: Historical and ethnographic essays. Petrozavodsk, 2019. 752 p. (In Russ.)
5. Orfinsky, V. P. Chapels in the traditional culture of the Karelians. Folk architecture: Interuniversity collection of research papers. Petrozavodsk, 2004. P. 73–122. (In Russ.)
6. Pashkov, A. M. The Novgorod Land and the christianization of the Karelians between the XIII and the XV centuries. *The VIII Valaam Educational Readings, 28–30 May 2021*. Available at: <https://valaam.ru/history/stati-i-vospominaniya/novgorodskaya-zemlya-i-khristianizatsiya-karel-v-xiii-xv-vekakh/?ysclid=mp8skq307o678446454#42> (accessed 16.05.2026). (In Russ.)
7. Permilovskaya, A. B. Temple traditional architecture as a factor of an adaptive mechanism in the development of the Russian Arctic. *Herald of Anthropology*. 2023;2:7–21. DOI: 10.33876/2311-0546/2023-2/7-21 (In Russ.)
8. Prose folklore of the Karelians of the Kestenga Region. (M. V. Kundozerova, Ed.). Petrozavodsk; Ulyanovsk, 2023. 456 p. (In Russ.)
9. Russian incantations from manuscripts of the period from the XVII to the first half of the XIX centuries. (A. L. Toporkov, Ed.). Moscow, 2010. 830 p. (In Russ.)
10. Stepanova, A. S. Oral poetry of the Tunguda Karelians. Petrozavodsk, 2000. 384 p. (In Russ.)
11. Shchepanskaya, T. B. Crisis network (traditions of the spiritual development of space). Russian North: A study of local groups. St. Petersburg, 1995. P. 110–176. (In Russ.)
12. Holmberg, U. Suomalaisten karsikoista. *Kalevalaseuran vuosikirja*. 1924;4:7–82.
13. Virtaranta, P. Vienan kansa muistelee. Porvoo, 1958. 804 p.
14. Virtaranta, P. Vienan kyllä kiertämässä. Helsinki, 1978. 287 p.

Received: 12 August 2026; accepted: 4 September 2026; published: 30 September 2026